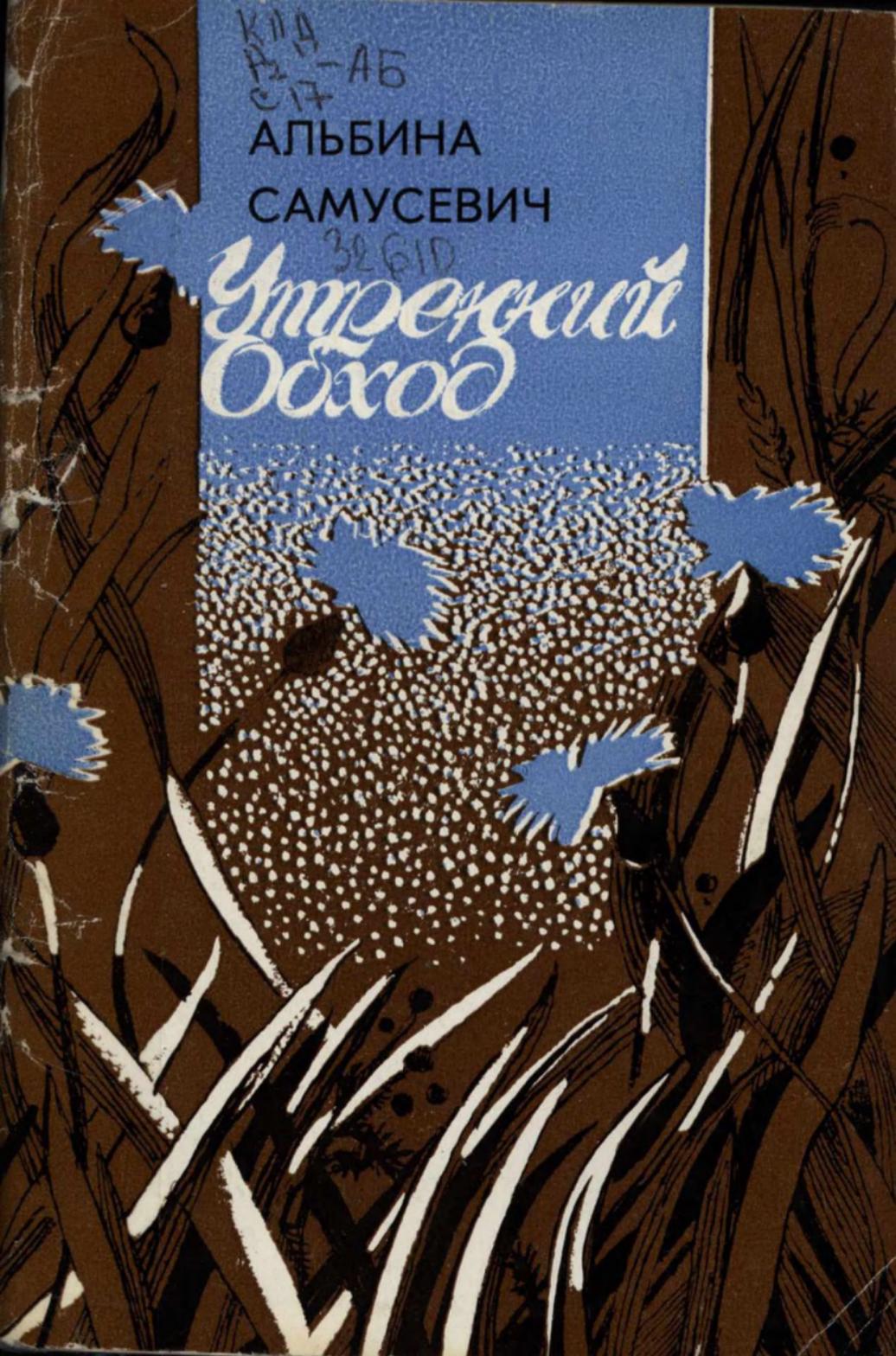

Кл. А
АБ
С 17

АЛЬБИНА

САМУСЕВИЧ

32610
Утречский
Обход

АЛЬБИНА САМУСЕВИЧ

Утренний Обход

*

СТИХИ

Являясь
центральная
районная
библиотека
Абонемент

КАЛИНИНГРАДСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

32610
7911

84P7—5
С17

Рецензент В. Н. Кузнецов,
член Союза писателей СССР

С17 Самусевич А. Г.
Утренний обход: Стихи. — Калининград: Кн. изд-во, 1988. — 87 с.

В обл.: цена 25 к. 1000 экз.

Врач по профессии, Альбина Самусевич с большой теплотой пишет о людях, о родном крае. В ее стихах звучит тревога о судьбах планеты, живет мир женских забот и радостей, любви и светлой грусти.

С 4702010200—010 М144(03)88 00—без объявления 84P7—5

Централизованная
субсиденная система
ISBN 5-85500-021-4
Гурьевского района

© Калининградское
книжное издательство, 1988

МОИ КОЛЛЕГИ

Всегда за других в тревоге,
за чью-то боль и беду...
В праздники, в будни — в дороге:
по первому зову идут.
Врачуют, не зная покоя,
забыв о заботах своих...
Вся жизнь их — от боя до боя,
хотя оттремели бои.
Ценю я содружества узы,
без них я —
как лист на ветру.
Моя милосердная Муза
идет от двора ко двору,
лечит и словом, и делом,
каждому в боли — сестра.
...Трудятся «люди в белом»
по древним законам добра.

ТИХИЙ ЧАС

Медсестра заваривает чай,
тихий час в больнице,
тихий час...

Тишина, безмолвие, покой
в стороне от жизни городской,
где идет, бежит, спешит народ.
Дел и впрямь у нас невпроворот,
спешных дней и мыслей кутерьма,
с громом — лето, с грозами — зима.
Шар земной — сплошной аэродром,
некогда подумать, как живем?
Взлеты и паденья,

в горле ком...

Говорить в стихах бы о другом:
как кружится тополиный снег,
как в листве осенней тает след.
Не снарядом — плугом

вспахан полигон...

Запретите, люди, тишины угон!
Остывает недопитый чай,
тихий час в больнице,
тихий час...

Сколько их потеряно на сон?
В тишине слышнее каждый стон.
...Я веку и травинке внемлю —
хочу сберечь

живую Землю.

ПОЕДИНОК

Сестры слезы украдкой прячут:
умирает парень в палате...
Ну, а он — никаких смертей! —
мастерит веселых чертей
из капельниц, трубочек разных...
Каждый день у него — праздник.
Подарил всем в палате по черту,
мастер, он ведь всегда в почете.
Скалят зубы бесы-уродины,
а ему захотелось смородины.
Захотелось — взглянуть на природу,
захотелось — огурца с огорода.
Потянулся он к жизни смелей,
сделал черта голубых кровей.
Выжил парень, хоть «сидел на мели»,
не иначе, черти Мастера спасли.

УТРЕННИЙ ОБХОД

Глаза в глаза, в упор вопрос:
— Скажите, доктор, только правду!
...На слово, горькое до слез,
он не всегда имеет право.
Не опускает взгляд в ответ,
чужую боль своей считая,
он примечает жизни свет,
и ни на шаг не отступает.
Он верит сам в святую ложь,
присев на краешке постели.
...Так в засуху спасает дождь
к земле поникшие посевы.

ОЧЕРЕДЬ

Коридор не вмещает доноров —
их общая боль свела.

Мысль одна
у студента и докера:
группа крови бы
не подвела...

Не слышно привычного:

— Что дают?

Не ищут «последнего»

парни.

Друг за другом

тихо встают:

ребенок

попал в аварию...

Я — женщина, я — слабый пол,
дождевка на большой планете.
Заботами весь день мой полн,
и лишь во сне послушны дети.

Я — женщина, жена и мать,
мне ль трудных дел бояться?
Привыкла я чуть свет вставать,
на боль чужую откликаться.

Я — врач, и нет меня сильнее:
сметаю зло потоком ливневым!
В натруженных ладонях дней —
я продолжаю ж и з н и линию.

ПАРОМЩИК

Он зов лишь услышит,
и в руки — весло.
Плыть к берегу жизни
его ремесло.
Всегда наготове,
минута в цене.
То радость, то горе —
весь век на волне.
Нет рейсов порожних,
прост кодекс житья.
...Врач — тот же
паромщик
на реке бытия.

НА СТАРОМ БОЛЬНИЧНОМ ДВОРЕ

Розы цветут так ярко
на старом больничном дворе:
горят угольками в костре,
костром полыхают жарким...
Розы цветут так ярко.

Врачуют в любую погоду.
С утра их приветствует двор:
красная с желтой ведут разговор,
над болью людскою восходят...
Врачуют в любую погоду.

Не от белой ли розы светает?
Окна настезь, поют соловьи,
отступают все беды мои,
и надежду душа обретает...
Не от белой ли розы светает?

УТРО

— Пинь-пинь,— вспорхнула с ветки
птица,
созвучья света расплескав.
— Скрип-скрип,— проснулась
половица,
услышав птичий грай леска.
— Шу-шу,— зашелестели травы,
и зазвенела вслед пчела.
— Цок-цок,— запели тротуары,
последний сон смахнув с чела.
...Люд торопился на работу,
внимая пенью колеса.
А я свою искала ноту,
прислушиваясь к голосам.
Даль засветилась, заиграла —
и звуки силу обрели...
Неспешно солнце совершало
свой
утренний обход
Земли.

Будьте добры друг к другу,
муж и жена,
и — добрыми вырастут дети.
Будьте добры друг к другу,
брат и сестра,
и — люди станут роднее на свете.
Будьте добры друг к другу,
бабушки и дедушки,
и — добрыми вырастут внуки...
Передавайте добро из дома в дом,
из селенья в селенье,
из страны в страну,
от поколения к поколению...
И тогда навсегда
исчезнут войны,
ибо — зло рождает войну.

КУБИНКА

Кубинскую картошку
я из Москвы везла
и думала тревожно,
а примет ли земля?
Следы от краснозема
остались на руке.
Семь клубней привезенных
томились в рюкзаке.
Их высадила в поле,
у солнца на виду
и наблюдала с болью:
взойдут иль не взойдут?
Кормила их послаще,
признаюсь, так и быть,
И поливала чаще —
чего греха таить.
Они взошли нечаянно,
расправили листья,
и понеслись в пачанге *
зеленые кусты...
Счастливей час — фиеста,
картошка зацвела!
Семья собралась вместе,
такие вот дела...
И думалось неволью
о братстве, о любви...
Чтоб мир забыл о войнах
из-за клочка земли.

* Пачанга — кубинский танец.

У ДРУЗЕЙ

Я спросила мальчишку-эстонца:
— Как проехать на Ласнамяэ? *

Блеснула улыбка-солнце,
он сказал:

— Я вас понимаю!

И стало чуть-чуть светлее
в узких улочках прошлого,
и стало сердцу теплее
на Ратушной площади.

Кивнул мне украдкой Тоомас,
прищурив усталое око.

У друзей я была, как дома,
и не было мне одиноко.

.
Вращалась земля по кругу,
доброму слову внимая...

Мне слышалось,
все говорили друг другу:
— Я вас понимаю!

* Ласнамяэ (эст.) — новый микрорайон Таллина.

«Времен связующая нить...»
Жужжит веретено.
Умею лен трепать и бить,
и выткать полотно.

Знаком мне хлебный дух избы
и прялка у окна...
Показывает мать азы
науки древней льна.

В мозолях руки, градом пот,
и колется стерня,
но мама за день выдает
четыре трудодня.

Тяну за ниточку клубок —
воспоминаний след.
Летает памяти челнок
по глади трудных лет.

Тобою, Родина, сильна.
Мне повезло в судьбе.
Я крепкой ниточкой из льна
привязана к тебе.

СОРОК ПЕРВЫЙ

1

Районный городок угомонился
июньской ночью грозового года.
И мне, наверно, сон счастливый снился
моим последним мирным дням в угоду.
Но шум листвы уже гудел набатом,
и утро с черной вестью торопилось.
Окно роддома за оградой сада,
в кромешной тьме, бессонное,
светилось...
Кто знал, что станет свет
мишенью смертной
для первой бомбы,
сброшенной на город.
И этот час, тревожный, предрассветный
войдет в дома всеобщим горем...

2

Повестка из военкомата...
Пришла война и в нашу хату:
отцу на сборы дали два часа,
застыла мама, вся в слезах.
...А мне еще неведом страх:
я радуюсь, что родилась сестра.

3

Затишье. Показалось — нет войны...
За лесом скрылся самолет.
Страшнее бомб — осколки тишины,
когда с откоса кто-то не встает.

ПОБЕДА

1

Я не забуду сорок пятый,
гудел, как улей, сельсовет.
В платочке светлом возле хаты
Победа мне смотрела вслед.
Играл подросток на гармошке
в отцовском старом свитерке.
И дед землю под картошку
копал на майском ветерке,
глядел с надеждой на дорогу,
ждал: с фронта сын вернуться мог.
...Шел мирный день, светло и строго,
переступив войны порог.

2

Слепым вернулся он с войны.
Был бой. Последняя атака...
Очнулся вдруг от тишины
и сделал первые полшага:
полшага —
 в жизнь,
полшага —
 в ночь,
и застонал от дикой боли,
и, боль не в силах превозмочь,
упал на выжженное поле...
Не умер, всем смертям назло,
растит детей, любим женою.
Слепым вернулся он в село,
где хлеб растил перед войною.

ДЕТСТВО

Наш дом без крыши упирался в небо.
(На крышу не хватило денег.)
Ночные звезды пахли хлебом
и падали в ладони детства...
Я с ними перед сном играла.
(В ту пору не было игрушек.)
Луна корову мне напоминала,
и я тихонько плакала в подушку.
Кормилицу семьи — корову
мы продали на лес для дома.
Послевоенный год суровый:
год и надежды, и подъема.
...Я знала: рано или поздно
мы вставим окна, будет крыша,
я сохраню в ладошке звезды
и — посажу у хаты вишню...

ЮНОСТЬ

Я в белой юбке щеголяю,
у кофты — черный цвет.
Я — негатив, я проявляюсь
в твоих глазах, сомнений нет.
Я снова в юбке черной,
у кофты — белый цвет...
И взгляд стеснительно-покорный,
и мне — шестнадцать лет.
Я вижу мир насквозь,
о нем так мало зная.
...Сияет винограда гроздь,
о юности напоминая.

Считала, любовь — это небо,
где птицы свободно летают.
Мечтала,
любовь — это небыль,
которой вообще не бывает.
Смеялась:
жди — вылетит птичка
и снимок на память подарит!
Твердила,
что есть привычка
и — верность, которая старит.
Но, однажды, вдруг оказалось —
двое нас
в целом мире!
К плечу твоему прижалась,
чуть слышно сказала:
— Милый...

Ты мне в любви не объяснялся.
(Напрасно я прикрыла дверь.)
Смущался, клялся, извинялся
и все твердил: — Ты только верь!

Ты мне в любви не объяснялся.
(А говорить-то как умел!)
Но смысл рассказа вдруг терялся,
когда в глаза мои глядел.

Ты мне в любви не объяснялся.
(Сказал лишь: — Как мне повезло!)
Нам час минутою казался:
мы были счастливы без слов.

СУДЬБА

Не думала, не гадала,
о тебе —
знать не знала,
других зазывала...
В дом
сам пришел,
на печи нашел.
Посмотрел в глаза:
— Слезай! — сказал.
Добавил строго:
— Собирайся в дорогу.
За меня пойдешь —
не пропадешь...
Полюбила
с первого взгляда —
другого не надо.

ДВОЕ

О, как прекрасен понимаенья миг —
в одно сливаются дыхания двоих.
От тихой нежности кружится голова,
и обретают смысл древнейшие слова:
— Любимая... — кричат глаза и губы.
— Люблю... Любимый... Любый...

СРЕДА

Будний день среди недели
бросил нам судьбы мосток...
Но пройти мы не сумели,
не посмели — видит бог!
То ли сборы были долги,
то ль судьба была не та?
Нам четверг сказал:
— В путь добрый!
...Но мосток сожгла среда.

ПОРТРЕТ

— Удачный снимок, — все твердят, —
в улыбке свет, счастливый взгляд.

— Вы в жизни хуже, — говорят.

(Неужто правда это?)

Допрос устроил мне сосед:

— Когда и кем был снят портрет?

В загадке каждой — есть ответ.

(Я не спешу с ответом.)

Любви далекой звездный след
вдруг преломился в призме лет,
лицо горит, как маков цвет.

(А я молчу при этом.)

Без слов все понял мой сосед —

есть в каждой женщине секрет:

счастливый взгляд, в улыбке — свет.

(Легко ль владеть секретом?)

Падает все из рук —
 замкнут отчаянья круг,
 растет молчанья стена,
 впереди — ночь без сна.
 Разбила любимую чашку,
 прожгла утюгом рубашку —
 победно зияет дыра,
 не дожить

до утра...

— Прости, будь добра! —
 будто с плеч —

гора.

Подошла, обняла нежно,
 люблю пуще прежнего.

РАЗГОВОР С ДОЧЕРЬЮ

— Какой бывает любовь? —
спросит дочь
и подсядет к маме.
...Вспомнит мама
июль голубой
и скажет:
— Все было, как в мае.
Ты видела сад весной
в цвету,
когда яблони светятся...
Любовь бывает такой —
майской
в любые месяцы.

«Хочу иметь над мужем власть,
чтоб исполнял он все мои желанья,—
сказала женщина жеманно,—
вот бы натешилась я всласть!»

«А мне бы — стать любимого рабой,
быть просто тенью, не имея лика», —
сказала женщина, с душою повилики...
В ее словах почудилась мне боль.

Мне интересен был негромкий разговор,
судачили подруги на скамейке
о жизни, о делах семейных —
лишь третья не вступала в спор.

Она кормила грудью малыша,
и думы при себе держала,
и хороша была
ее держава:
любовью полнилась душа.

ТЕБЕ

Дни ожиданий, плечом к плечу,
в один, наконец, сливаются,
когда, увидев тебя,
молчу...

От счастья слова теряются.

Вижу,
глубже морщинки у глаз,
а в глазах —
всех морей синева.

Радость,
одна на двоих, у нас.

И одни на двоих
слова...

* * *

Морозный дух зимы люблю!
Люблю играть в снежки...
Я, как пельмени, их леплю,
леплю, как пирожки.

И, сутью дружбы дорожа,
прицеливаюсь, не спеша.
В душе — обид я не коплю:
прощаю, мучаюсь, люблю...

Семь бед — один ответ:
я молода, и в том секрет.
Я знаю, если захочу —
снежок ответный получу!

ЭХО

Так уж вышло. Друг не пишет,
не встречает на вокзале,
но сквозь годы:

— Здравствуй! — слышу,

И потише:

— Здравствуй, Аля!

Берегу в душе хорошее,
злом на зло не отвечаю.

Прорастут ли зерна прошлого
в день сегодняшней?

Не знаю.

Так уж вышло, так уж вышло...

Я не помню слов прощальных.

Звонким эхом:

— Здравствуй! — слышу.

И все громче:

— Здравствуй, Аля!

* * *

Не обучена фотоискусству —
Растворяется в вечности миг.
Но в строке, то веселой, то грустной
открываю я заново мир.

Глаз внимательный, чудо-камера,
доверяю тебе я вполне.
От Камчатки до Севера Крайнего
полстраны переснято во мне.

Проявляется главное временем,
в путь возьму я стихов тетрадь.
Да поможет мне слово верное
свет России в строке передать.

ИЗ СЕВЕРНОЙ ТЕТРАДИ

1

Полгода ночь. Лютуют вьюги,
но песни о Полярном круге
в кругу друзей звучат тепло.
Здесь не цветут весной мимозы —
рисуют кистью их морозы
во все оконное стекло.
Звучит страна моя в эфире,
мне говорят: «Пиши пошире,
ждут города, зовут моря!»
А я пишу про свой поселок,
он вырос на глазах
«с пеленок»,
здесь — биография моя.
И я иду от дома к дому,
спешу к тяжелому больному,
врачую взрослых и детей
в пургу, в мороз, по бездорожью...
За десять лет
все двадцать прожиты,
но не напрасно —
для людей.

2

Ветер дует колюче и зло,
спешу на вызов с проводником.
Снегом на сопках дома замело,
и путь к ним один — пешком.

Решето небес
сеет, сеет снег...
Будто в белом сне
быстрой речки бег.
Не видать дорог,
в зимней дреме лес.
На высок порог —
только вьюги плеск.
Путь к весне далек:
дом в сугробы врос.
...Над трубой дымок,
как судьбы вопрос.

От новорожденного снега
так сладко пахнет молоком.
Вдруг неистраченная нежность
проснется в женщине тайком.
И станет мать добрее к сыну,
заметив над губой пушок.
И разогнет старушка спину,
увидев за окном — снежок...
И поспешит быстрее одеться,
возьмет у жизни час займы —
дитя понячить у Зимы...
Имеет счастье привкус детства.

Белым-бело... Текут снега
с небес на землю век от века.
Витают мальчик в облаках:
земного — мало Человеку.

И понимают чудака
деревья в белом облаченье.
Река времен так глубока,
легко ли плыть против теченья?

Текут снега, как письма,
с неведомой еще планеты...
Их первыми прочтут поэты:
я верю в эти времена.

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Над рекой, над Случью *
ивушка плакучая...
Как же ты далече,
как ты далека!
Над рекой, над Случью
мне жилось получше,
посветлей, полегче,
помнишь ли, река?
Над рекой, над Случью
мама верит слухам,
будто здесь морозы
больше сорока.
Снег в лицо колючий,
дня не видно в тучах,
карлицы-березы,
ягода горька...
Над рекой, над Случью
ты не верь тем слухам,
а скажи знакомым,
близким повтори:
— Дочь живет всех лучше
за Полярным кругом,
звездный ковш над домом,
у дверей — Гольфстрим!

* Случь — река в Белоруссии.

Сияний северных волна
по самой кромке неба...
А на моем окне — весна:
в стакане ветка вербы.
Казалась ветренной судьба
в краю зимы пустынном.
Убрала челку я со лба,
и — корешки пустила.
И прижилась на мерзлоте,
и подружилась с тундрой,
и родила двоих детей,
и было мне, как вербе, трудно.
Спешили к югу поезда,
отгаивала Ваенга...
Я возвращаюсь в те года:
— Пришлите срочно валенки!

ПИСЬМО

Пишет мать: — Сирень расцвела,
цветут возле хат сады...

О, как захотелось тепла,
майской, живой красоты.

Частица ее в конверте
пришла за Полярный круг.

В руках у меня, поверьте,
весна оказалась вдруг.

Об этом солнце узнало,
сердца коснулись лучи...

Сбросив зимы покрывало,
в сопках запели ручьи.

Ветер с моря теплее стал,

поверил в мою весну,

отогрел деревца у скал,

на ягеле сером уснул...

Ольха сережками машет,
цветет морошковый край!

...В селенье далекое наше

в июле приходит м а й...

ЗАПОЛЯРЬЕ

Позднего лета робкий разбег,
серый ягель — ковром у трапа.
Солнце низкое смотрит с небес,
манит в тундру морошковый запах.

Валуны, как тюлени, греют бока,
низкорослые дремлют березки,
по глади залива плывут облака...
Я люблюсь пейзажем неброским.

Крайний Север характером крут,
но бывает и щедрой природа:
когда серые камни цветут,
согревая сердца мореходов!

ВЕСЕННИЙ ЭТЮД

Берег лениво и сонно
 снимает меха снегов.
Розовым, синим, зеленым —
 мигают огни маяков...
Дует ветер с зюйд-веста,
 что-то шепчет причалам вода.
И белая ночь, как невеста,
 встречает из рейсов суда.

УХОДИТ ЛОДКА

Уходит лодка в «автономку»
без пышных проводов, речей.
Контрольный пост

мигнет вдогонку,
желая возвращения ей...

Качнется небо синим зонтом,
березка встанет на скале.

Уходит лодка к горизонту,
до новой встречи на земле.

А жены ждут, готовят ужин,
не зная, что мужья «ушли».

Полоска берега все уже,
все дальше лодка от земли.

ОТЕЦ

Улыбается дочка во сне,
подыхают сады сиренью...
Но, как в старых
стихах о войне,
он уходит по зову
сирены.
Затихают шаги во дворе
человека в военной шинели.
Он уходит в просторы
морей,
чтобы дети сны
досмотрели.

ЛЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

1

Зеленый свет — дорога лета:
зеленый луг, зеленый лес...
«Зеленый» — добрая примета,
спеши, мой друг, в страну чудес.

На желтый свет не торопись,
готовься к осени, к дождям.
Вот желтый лист летит. Вглядись,
подобен он летящим дням.

В глаза мне — красный свет:
огонь рябин. Зима в пути...
Но чей-то первый лыжный след
на солнце скоро заблестит.

2

Елка островерхая,
ветрозвонная...
Ветки веером,
крона — зонтом.
Тучу придержала,
спрятала от зноя:
лесная держава
в союзе со мною.

3

Грибы со мной играют в прятки,
вокруг и около сопят...

«Вожу», как в детстве, все в порядке:
за старым пнем нашла опят.
Беру их бережно в корзину,
и дальше в лес, вперед, ау-у-у!
Забрался рыжик под осину,
лисички спрятались в траву.
Вдруг замечаю мухомора,
он белого гриба сосед.
В лесу он, вроде светофора,
не для меня ли красный свет?
Гриб-боровик чуть сдвинул шапку,
из бурой выглянул листвы.
Я подхожу к нему украдкой
и говорю: — Раскрыты Вы!

4

Заблудилась. Тумана занавес
скрыл от глаза дорогу и лес.
К дому путь отыскала я заново,
опустившись на землю с небес.
И прониклась любовью дочерней
к каждой тропке, сбегаящей в даль.
И за долгие годы кочевья
обрела я прозрения дар...
Сквозь туманы грядущих столетий
я узнала дорогу и лес...
Дом покинув, спешили дети,
друг за дружкой по кромке небес.

5

Лист кленовый упал на ладонь,
повторив очертанья ладони...
Видно, гены мои жили в клене.
И сказала я ветру:
— Не тронь, может, встретила брата
ладонь...

Деревни. Деревеньки. Дворики.
Среди лесов и вдоль дорог.
Издrevле вы — предтеча города,
его березовый порог.

Отцовский дом. Подворье. Отчина.
Сыновних рук ждет борозда.
Крест-накрест окна заколочены,
в цвету бурьян и лебеда.

Заросший сад. Крылечко. Ставенки.
Поющей половицы звук...
Тобою, мною ли оставлены?
Меня, тебя ль домой зовут?

ДОРОГИ

Орбита в звездной синеве,
большак иль просека лесная...
Дороги — все одних кровей:
растворена в них
даль сквозная.

* * *

Поводья ракеты лежат на земле,
лежат до поры, до времени...
Чужие планеты мерцают во мгле,
все ближе в своем отдалении.

* * *

Земля за лайнером бежала —
и сердце сжалось от тоски:
Качалось море синим шаром
на тонкой ниточке
реки.

* * *

Апрельский, первый ветренный листок...
На хрупкой веточке — весны росток,
в нем искра жизни, подвига исток —
вокруг Земли
Гагаринский виток!

МАРТ

Зазвенели капли
по панели: — Динь-дон...
Птичий хор «а капелла»
разбудил старый дом.
Улыбнулся прохожий:
март в сугроб угодил,
белый снег осторожно
в бирюзу превратил.
Умирая от жажды,
прокатился по льду,
и кораблик бумажный
смастерил на ходу.
Чтоб по лужам весенним
смело топал малыш...
Не подвластны забвенью —
детство, двор, песня крыш.

РИСУНКИ НА АСФАЛЬТЕ

Город нарисован на асфальте
детской неумелою рукой.
Лик его улыбчивый без фальши,
и характер узнаю — морской.
Не окончен спор волны и ветра,
мирный флот в рисунках у ребят.
Рыбный порт

хлопочет в робе светлой,
стрелы кранов

с солнцем говорят!
Стайка чаек оживляет берег,
сходит с лодки царь морей Нептун,
проплывает рядом лебедь белый,
на асфальте — след ребячьих дум.
Дом крылатый, с аистом на крыше,
с яблоней, цветущей под окном,
окружили зданья, ростом выше...
Телевышка светит огоньком.
«Мать-Россия» здесь же на асфальте
на рисунке детском ожила:
женщина седая, в черном платье,
над могилой братской замерла.
Каждый двор и каждое окошко
разделяли боль ее тревог...
К ней тянулась детская ладошка,
как весенний праздничный флажок.

МЕЧТА

Жил паренек в деревне русской,
на берегу речушки узкой...

От всех больших морей вдали —
хотел водить он корабли.

С рекою с детства был «на ты»,
гонял по заводи плоты,
в одном признаться ей не мог:
мечту о море он берег.

Грустил, печали не скрывая,
и было парню невдомек,
что и река текла, мечтая
перешагнуть морской порог.

УТРЕННИЙ ТРАМВАЙ

О времена, о нравы!
Трамвай — мой красный конь.
Мы с временем на равных,
хоть в воду, хоть в огонь.
По улице Суворова
летит мой конь в рассвет.
— До скорого, до скорого, —
мне дочка машет вслед.
Со мной гремит, качается
двадцатый век в седле,
и путь наш продолжается
по утренней земле.
Собор старинной кладки
мелькнет в моем окне,
и весь маршрут «девятки»
напомнит о войне.
Свинцовые капли
ожгут мое плечо...
Девятое апреля
предъявит веку счет.
На остановке Грига
услышу утра звон,
и город птичьим криком
стряхнет тревожный сон.
Мальчишек стайка ранняя
влетит в картину дня,
напомнив про «Купание
красного коня».

К ПОРТРЕТУ ГОРОДА

Все тише звуки площадей:
стекает тишина с окраин...
И звон последнего трамвая
слетает в сладкий сон детей.
Цветов полночных аромат
от сора очищает душу...
Люблю ночной Калининград,
его покой я не нарушу.
На ветке птицу не спугну,
свечу каштана дорисую.
Войду неслышно в тишину,
вгляжусь в тревожную, живую...
Увижу рядом, в полумгле,
у самой западной границы
знакомый облик кораблей.
...Им, как и мне, в ночи
не спится.

НОВОСЕЛАМ

Вы в новый дом, как в новый день,
войдите.

Испейте радость бытия!
Но дух семейных общежитий
не забывайте в нем,

друзья.

Сердца и окна распахните
добру и солнечным лучам,
и пусть не рвутся

дружбы нити,

какой бы шторм нас не качал...

И пусть течет

в века

Преголя,

и память имена хранит
всех павших

за весенний город...

И пусть огонь их —

в нас горит.

РАССКАЗ МОРЯКА

Не придумать каторги хуже:
тосковать по морю на суше.
Говорить с кораблем ночами,
просыпаться от крика чаек.
Взлетать на суденышке к небу,
подумаешь, экая небыль —
всю жизнь на качелях качаться,
не лучше ль за землю

держаться?

По-мужски расставался с морем,
спрятав боль в пустом разговоре.
Сбежал, как мальчишка, по трапу,
сказал: — Велика ли утрата?
Сыт по горло соленым хлебом,
пляской волн и пустыней неба.
Растет без присмотра дочка.
Решил. Ухожу — и точка.
Не придумать каторги хуже:
тосковать по морю на суше.
Говорить с кораблем ночами,
просыпаться от крика чаек...
Сны морские держать в секрете,
но однажды — сбежать на рассвете,
вновь вкусить соленого хлеба.
...Уходить от судьбы нелепо.

САМЫЙ ЗАПАДНЫЙ ГАРНИЗОН

Город мой — корабль у причала,
каждый шорох взрывает сон...
Вся страна у тебя за плечами,
самый западный гарнизон.

Ты волнами умыт и дождями,
ветры кружат со всех сторон.
Прямо в море шагнул домами
самый западный гарнизон.

Здесь разлуки живут без прописки
рядом с верностью, верою жен...
Здесь прописаны обелиски —
от России им низкий поклон.

Ну, а если случится такое,
почернеет от бурь горизонт.
Он Отчизну прикроет собою,
самый западный гарнизон.

ПРАЗДНИК

В доме прибрано до блеска,
светлой радости полно
в белоснежных занавесках
синеглазое окно...
Пироги пекутся в печке,
шутки, говор, звонкий смех!
О любви поет сердечко,
песня — общая для всех.
О морских походах речи,
и о той, что верно ждет...
Ей в награду этот вечер,
и веселье, и почет!
Календарь смутился: — Разве
перепутал я число?
Будний день — а в доме
ночью, будто днем, светло!
...Тут хозяйка с места встала,
улыбнулась и сказала:
— День-то будний, я не спорю:
просто, муж вернулся
с моря.

* * *

Слышишь, море говорит стихами,
их читают волны нараспев:
то гремя басами,

то стихая,

рассказать о чем-то не успев.

Может быть, о дальних странах,
с синей цепью недоступных гор.

Может быть, о людях странных,
что уходят в море до сих пор...

Может быть, о тех,

кто не вернулся,

выполняя свой последний долг...

Голос моря дум моих коснулся
и опять торжественно умолк.

Согласие, союз, единство...
 Перебираю сотни слов
 в поисках единственного.
 Договор, альянс, помолвка...
 Ищу слово для заголовка.
 Соглашение, соучастие... что еще?
 Холодно. Теплее. Горячо!
 Выхватываю, выкатываю,
 как картофелину из костра,
 почерневшее от времени,
 покрытое пеплом,
 но горячее внутри
 слово...
 Сдуваю пепел.

Прозрение иль пониманья миг,
 что лист зеленый — вечности двойник,
 что от рожденья — человек велик:
 в его руках
 весенний
 хрупкий мир.

ПОЕЗДКА В ТОЛЬМИНКЕМИС

«В этой местности в 1743—1780 гг. жил классик литовской литературы Кристионас Донелайтис».

Надпись на мемориальной плите

Посмертной славы вспыхивают блики,
доступен взгляду чистый оком.
Поля, поля... — страницы вещей книги,
где каждая строка о нем... о нем!

Здесь жил когда-то пастор Кристионас,
крестил детей,
приветствуя рожденья крик,
нес бремя всех крестьянских кривд
и поднимал в защиту Человека голос.

Из дальних сел пришли крестьяне,
на праздник взяв с собой детей,
чтоб приобщить их к светлой тайне —
жить для людей.

Я поклонюсь деревьям и деревням,
что оказали мне такую честь —
пред алтарем стихи свои прочесть.
Сумею, оправдаю ли доверье?

* Тольминкемис — ныне поселок Чистые Пруды в Калининградской области. Здесь в 1979 году открыт музей Донелайтиса.

МАЙ В КОНСТАНТИНОВЕ

1

Воскрешая минувшее, травы звенят,
светит Русь одуванчиком каждым.
Озорно окликает меня
сад-подросток у домика Кашиной.
Берег Оки холмист и высок...
Вся в прошлом — церквушка старая,
а через дорогу, наискосок —
«низкий дом с голубыми ставнями».
Петухи на подворьях поют,
тихий свет от берез струится.
Понимаю — лишь в отчем краю
куст любой
 для стихов рождается.

2

Вот и свиделись,
 вот и встретились
не во сне — наяву...
Половик домотканый стелется
в небо, в майскую синеву!
Свет-береза горит лампадкой,
в сад калитка
 настежь для всех.
Трость качнулась
 к перчатке лайковой,
расступилась
 деревьев сень...

По космической стежке,
расправив плечи,
шел с поэтом двадцатый век,
и звучало на разных наречьях:
«Как прекрасна Земля
и на ней человек.»

3

Брат родной полноводной Оки,
и Рязани — любимый сын.
Русь рассветная в ситце строки —
лучшая из картин!

Охраняют музей — поля,
охраняют картину — рощи,
и дороги, веками пыля,
ее светлую суть не порочат.

«ЗАПИШИ СЛОВЕЧКО...»

Догорает свечка:
— Запиши словечко...
К нему — другое:
вышли в путь двое.
Речь завели —
цветы зацвели.
Разговор заимели —
птицы запели.
В беседе хорошей —
дорога короче.
Слово за слово —
живи засветло...
К слову — словцо:
полно гнездо птенцов.
Речка волны катит —
всем места хватит.
Жизнь прожить —
не поле перейти:
век позади —
век впереди.
Смысл жизни прост:
передний —
 заднему мост.
Догорает свечка —
светится словечко...

* Просьба к дочери, последние перед смертью слова Владимира Даля.

ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ...

1

Бросишь грош — алтын найдешь!
Что посеешь — то пожнешь...
Но я-то знаю — вот беда:
что сеешь, всходит не всегда,
а что не сеешь, то цветет...
Рву сорняки из года в год.

2

К моим ногам льнет лебеда:
— Неприхотливой будь всегда.
И учит жить меня пырей:
— Не открывай беде дверей!
— Колючей будь, — твердит осот, —
среди таких, как я, особ...
Но все советы мне не в прок:
мой путь и прихотлив и строг.
Бросаю зелье в борозду —
уоставшая, домой иду...

3

О, как красив перед грозою сад
свечением листвы, движеньем веток...
Тревожен белых яблонь взгляд:
в нем материнства первые приметы.

На грядке всходит огурец,
в тепло поверив слепо.
Цветка светящийся венец
нам предвещает лето...

Уже душа его поет,
чуть тронув струны кода.
Уже пчела летит в полет,
учуяв запах меда.

Я ноту первую взяла,
чтобы воспеть природу.
Цветок озвучила пчела,
дав жизнь стиху и плоду.

* * *

День укорочен мудро,
длиннее ночи след.
Все холоднее утро,
все жарче листьев цвет.

Расход тепла и света
учесть я не берусь.
Мне ближе арифметики
дерев увядших грусть.

В осенней переключке
близка мне песнь рябин,
и за собою кличет
вновь журавлиный клин.

БАБЬЕ ЛЕТО

В листьях —
 ни кровинки,
ветерок притих...
Нити-паутинки
в ясных днях моих.
Выгорело платье,
но душа — светла.
Осени объятья
не сулят тепла...
В выборе наряда
стану я смелей.
И с тобою рядом
буду веселей.
Чуть подкрашу
 губы,
подведу я бровь.
...Ты увидишь,
 любий,
молода любовь...

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ...

Диме

1

Внуку — без году неделя,
а, точнее, день седьмой.
Дня грядущего надежда
шумно встречена семьей...
Гладят бабушкины пальцы
голубое одеяльце.
Голубеет край пеленки,
голубые распашонки...
На руках у папы сын
видит розовые сны.
Дед растроганно басит:
— Вот тельняшка, друг, носи!

2

«У-а, у-а-а...» — кричит малыш, —
у-а, у-а-а... — с утра до вечера.
А мать возьмет пеленку лишь
и сменит, не заметив вечности...
Легко дитя освободит,
окинет взглядом беспокойным —
и вновь согласие победит,
и голубь залетит
на подоконник.

3

Ребенок... Звонкий ручеек пока,
а мне уж чудится его судьба-река:

глубоководна, берега круты...
Относит ветер парохода дым.

К реке выходят лес и дол,
остался позади мой дом...
Колышет облака волна —
мне даль до донышка видна.

Не в этом ли поэзии искусство,
предугадать в истоке — устье?

4

Недоволен малыш колыбелью:
не лежится, не спится... Подрос!
Удивленно глаза голубеют —
созревает в них первый вопрос.

Встал ребенок и тянется к людям,
будто к солнцу весенний росток.
Первый шаг его — робок и труден,
но как сладок победы глоток.

5

Лепечет ребенок:

— Ма-ма!

И просит ласково:

— Дай!

Цветок зеленого мая
и солнышко-каравай...

Щебечет малыш:

— Па-па!

Настойчиво требует:

— Дай!

Дворняги грязную лапу
и чистого неба край...

Разулыбалось дитя:

— Деда!

И тянет ручонки:

— На!

Старый и малый —

не наглядеться,

душа у них, видно,

одна.

День за днем не спеша просеиваю,
от плевел отделяю зерна...

Грусть-тоску по ветру развеиваю,
за работой — думам просторно.

Окна настезь

и дверь нараспашку,
занавеска — парусом в небо...

Ждут зерна:

белый лист и пашня,
время чувствуя

каждым нервом.

Не пугает в пути непогода:

соль земли гонит кровь по жилам.

Всходит дней моих непохожесть
хлебом

насущным

жизни.

ЖУРАВЛИ

Стоят стога, задумчивы и строги.
Темнеет лес... Река тиха.
И травы вновь проклюнулись,
как строки
осеннего прозрачного стиха.

Земля моя, ты вся еще согрета
вчерашним солнцем, песнями ребят.
А журавли уже уносят лето,
прощально в синеве небес трубят.

Трубят над ширью неоглядной...
Я эту песню знаю наизусть,
но с каждой новой осенью —
понятней
высокой журавлиной песни грусть.

Поздняя осень —
старая дева
вяжет из сумерек
синий чулок...
Слезы роняет,
ждет и надеется:
явится суженый —
день недалек.
Снег запоздалый
нагрянет под вечер,
попросит он крова
озябшей душе.
«А я уж не чаяла, —
дева ответит,
но дверь не откроет, —
час поздний уже...»

* * *

Еще тревожат взгляд нечаянный,
пожатье добрых сильных рук...
Но журавлиный крик печальный
зовет к осеннему костру.
Зовет к теплу и постоянству,
и эхо вторит журавлям...
А круг осеннего пространства
все ближе

к нашим тополям.

Но дух весны
зеленой почкой
вдруг распахнется на ветру
и робким, маленьким листочком
чуть прикоснется к сентябрю.
И сотворит земное чудо,
и годы потеряют власть...
Среди осенних серых буден
весенний день нас ждет подчас.

РОМАНС

Спасибо, сон, за невесомость ноши,
за непредсказанный судьбой сюжет...
За песнь любви, за благо ночи,
за черный фрак и белизну манжет.

Спасибо, ночь, за дар воображенья,
за трепет сердца и высокий слог.
За тайный жар и речи откровенье,
за недосказанность горячих слов.

Спасибо, тьма, за блажь и наважденье,
как высоко летаем мы во сне...
Спасибо, жизнь, за взлеты и паденья,
за явь и сон, дарованные мне.

В ГОРАХ

С крутого склона даль видней,
и каждый кустик
на пути,
как веха.
И песня неба все слышней,
и все тревожней
посвист ветра...
В горах
опасен
шаг любой,
и каждый камень —
узелок на память:
сумей подняться
над собой,
и бездны край —
себе оставить.

В МОСКВЕ

Я постою у стен Кремля,
по древней площади
 мой путь продлится...
В кровинку каждую
 войдет столица,
Подступит к сердцу
 вся Земля.
И станет каждый день весомей,
светлее взгляд
 и тверже шаг...
Пойму себя
 в разлуке с домом,
когда весь мир
 вместит душа.

СОДЕРЖАНИЕ

Мои коллеги	3
Тихий час	4
Поединок	5
Утренний обход	6
Очередь	7
«Я — женщина, я — слабый пол...»	8
Паромщик	9
На старом больничном дворе	10
Хатынь	11
Скульптура «Крик»	12
«О, ель мохнатая...»	13
Утро	14
«Будьте добры друг к другу...»	15
Кубинка	16
У друзей	17
«Человек красив...»	18
«Времен связующая нить...»	19
Сорок первый	20
Победа	21
Детство	22
Отцовский слух	23
Юность	24
«Считала, любовь — это небо...»	25
«Ты мне в любви не объяснялся...»	26
Судьба	27
Двое	28
Среда	29
Портрет	30
Обида	31
Разговор с дочерью	32
«Хочу иметь над мужем власть...»	33
Тебе	34
«Рябина, с морозца...»	35
«Морозный дух зимы люблю...»	36
Эхо	37
«Не обучена фотоискусству...»	38

Из северной тетради	39
«Решето небес...»	41
«От новорожденного снега...»	42
«Белым-бело... Текут снега...»	43
Полярная ночь	44
«Сияний северных волна...»	45
Письмо	46
Заполярье	47
Весенний этюд	48
Уходит лодка	49
Отец	50
Лесные встречи	51
«Деревни. Деревеньки. Дворики...»	53
Дороги	54
Март	55
«Затоplen луг до перелеска...»	56
Рисунки на асфальте	57
Мечта	58
Утренний трамвай	59
К портрету города	60
Новоселам	61
Рассказ моряка	62
Самый западный гарнизон	63
Праздник	64
«Слышишь, море говорит стихами...»	65
Вдохновение	66
Поездка в Тольминкемис	68
Май в Константинове	69
«Запиши словечко...»	71
Во саду ли, в огороде	72
«День укорочен мудро...»	74
Бабье лето	75
День за днем	76
«День за днем не спеша просеиваю...»	79
Журавли	80
«Поздняя осень...»	81
«Еще тревожат...»	82
Романс	83
В горах	84
В Москве	85

Самусевич Альбина Григорьевна

УТРЕННИЙ ОБХОД

Художник И. Е. Шелепов. Редактор Н. К. Зверева. Художественный редактор В. М. Ласточкин. Технические редакторы Г. Г. Кацыв, М. С. Гайдукова. Корректор Н. Л. Второва.

ИБ № 699

Сдано в набор 07.09.87. Подписано в печать 30.12.87. КУ 04742. Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура Банниковская. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,21. Усл. кр.-отт. 3,42 т. Уч.-изд. л. 2,33. Тираж 1000. Заказ 1416. Цена 25 к.

Калининградское книжное издательство,
236000, Калининград, Советский просп., 13.

Типография издательства «Калининградская правда»,
236000, Калининград, ул. Карла Маркса, 18.

25 к.

